
12+
ПАНСИОН ЗАГАДОК
ВЕРШИНА
САДУЛЛОЕВ ШЕРМУХАММАД

Шермухаммад Садуллоев

Пансион загадок

«Издательские решения»

Садуллоев Ш.

Пансион загадок / Ш. Садуллоев — «Издательские решения»,

В элитном пансионе «Вершина» прошлое хранит опасную тайну. Двадцать лет назад ученик Илья Зайцев погиб, но его смерть признали несчастным случаем. Найденный дневник с шифрами заставляет усомниться в этой версии. Когда исчезает другой ученик, бывший следователь Антон Сергеевич начинает расследование вместе с ребятами. Тайные комнаты, улики и подозрительные свидетели ведут их к разгадке. И кому можно доверять? Кто скрывает правду и удастся ли раскрыть преступление до новой беды?!

© Садуллоев Ш.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1. Урок логики 6
— — Глава 2. Фальшивая полка 11
ЯННШАБ. ЯНЕМ ЛУНКЛОТС. М.А 14
А. М. СТОЛКНУЛ МЕНЯ. БАШНЯ 15
Конец ознакомительного фрагмента. 19

Пансион загадок

Шермухаммад Садуллоев

© Шермухаммад Садуллоев, 2026

ISBN 978-5-0071-7818-1
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Урок логики

Есть три способа начать утро: выпить кофе, посмотреть в окно и сделать вид, что мир не рушится. Я выбрал четвёртый — стоять перед классом из шестнадцати подростков и объяснять им, почему их логика хромает на обе ноги.

— Итак, — я постучал мелом по доске. — Кто мне скажет, в чём ошибка?

На доске было написано: «Все люди смертны. Сократ смертен. Следовательно, Сократ — человек».

Маша Крылова подняла руку так быстро, что я услышал, как хрустнул её локоть.

— Это не ошибка, — сказала она. — Это тавтология. Первое и третье утверждения тождественны.

— Почти, — я отхлебнул кофе из кружки с надписью «Я не параноик, я просто внимателен». — Ты права, но не в этом суть. Сократ может быть собакой. Все люди смертны, все собаки смертны. Сократ смертен — значит, он либо человек, либо собака. Логика не делает различий между породами.

Дима Соколов хмыкнул с задней парты. Он всегда хмыкает, когда думает, что понял больше других. Обычно он прав. Но не сегодня.

— А в чём тогда смысл? — спросил он.

— Смысл в том, — я поставил кружку на стол, — что логика — это не про правильные ответы. Это про то, какие вопросы вы не задали. Сократ смертен. Почему? Может, его отравили. Может, он упал с башни. Может, ему помогли упасть.

Класс притих. Я редко говорю «упал с башни» на уроках. Обычно я говорю «покинул этот мир» или «отправился в мир иной». Но сегодня у меня было настроение.

— Ладно, — я вздохнул и сел на край стола. — Домашнее задание. Каждый из вас пишет мне список из пяти вещей, которые он видел сегодня утром, но не обратил внимания. Не «зубная щётка» и не «завтрак». Что-то, что вы видели краем глаза. Тень на стене. Пятно на потолке. Странный звук.

— Зачем? — спросила Лена Васнецова, теребя кулон в форме кисти.

— Затем, что детектив — это не тот, кто ищет улики. Детектив — это тот, кто замечает то, что уже лежит на виду. Урок окончен.

Звонок прозвенел с опозданием на тридцать секунд. Я мысленно добавил это в список «пять вещей, которые я заметил, но не обратил внимания».

— —

Академия «Вершина» — это загородный пансион для одарённых подростков. «Одарённых» — это официально. Неофициально — для богатых. Родители платят за то, чтобы их чада считались гениями, а не просто отпрысками с хорошей генетикой.

Я вернулся сюда два месяца назад. Двадцать лет назад я сам сидел за этими партами. Тогда пансион назывался просто «Школа-интернат №17», и здесь учился мой друг Илья Зайцев. Он упал с башни в выпускном классе. Комиссия сказала: несчастный случай. Я сказал: чушь. Меня никто не слушал.

Теперь я преподаю логику. Ирония в том, что логика мне тогда не помогла.

Я шёл по коридору, когда меня окликнули.

— Антон Сергеевич!

Анна Михайловна Петрова, школьный психолог, стояла у кабинета с чашкой чая в руках. Она всегда стоит у кабинета с чашкой чая. Я подозреваю, что она пьёт его исключительно для того, чтобы держать руки занятыми.

— Доброе утро, — сказал я. — Опять анализируете моё подсознание?

— Только если вы опять опаздываете на уроки.

— Я никогда не опаздываю. Я прихожу точно в тот момент, когда это наиболее драматично.

Она улыбнулась. У неё была хорошая улыбка — не профессиональная, а настоящая. Я это ценил.

— Слышала, вы говорили про башню, — сказала она. — На уроке.

— Вы подслушиваете?

— Я психолог. Я слышу всё.

— Тогда вы знаете, что я просто привёл пример.

— Антон, — она понизила голос. — Вы вернулись сюда не просто так. Я вижу это по вашим глазам.

— У меня глаза как у уставшего филина. Это не показатель.

Она засмеялась и ушла. Я смотрел ей вслед чуть дольше, чем следовало.

— —

Библиотека «Вершины» — это отдельный мир. Три этажа дубовых стеллажей, запах старой бумаги и лаванды, и Лидия Михайловна Снегирева за стойкой. Она работала здесь ещё

когда я учился. Тогда она была моложе, но выглядела так же — седой пучок, очки на цепочке, тихий голос.

— Доброе утро, Лидия Михайловна.

— Доброе, Антон Сергеевич. — Она подняла на меня глаза. — Кофе?

— Уже пил.

— Тогда чай. У вас уставший вид.

Я не стал спорить. Она налила чай в фарфоровую чашку (не пластиковую — Лидия Михайловна не признавала пластик) и поставила передо мной.

— Как ваши ученики? — спросила она.

— Гении. Все до одного. По крайней мере, так написано в их резюме.

— А на самом деле?

— А на самом деле — шестнадцать подростков, которые считают, что знают о жизни больше, чем я. И они, возможно, правы.

Она улыбнулась — едва заметно, уголками губ. Лидия Михайловна улыбалась так, будто это было запрещённое удовольствие.

— Вы знаете, — сказала она, помолчав, — я помню вас учеником. Вы были таким же. Саркастичным.

— Я был хуже.

— Намного, — согласилась она. — Но вы были добрым. Просто прятали это за шутками.

Я не нашёлся, что ответить. С Лидией Михайловной такое случалось.

— —

Маша и Дима пришли ко мне после обеда. Маша держала в руках что-то, завёрнутое в старый шарф. Дима стоял рядом с видом человека, который знает, что делает что-то запрещённое, но не может остановиться.

— Антон Сергеевич, — начала Маша. — Мы нашли это в библиотеке.

Она развернула шарф. Внутри была книга — точнее, тетрадь в кожаном переплёте, потрёпанная, с пожелтевшими страницами.

— Дневник, — сказала Маша. — Мы думаем, это дневник бывшего ученика. Он был спрятан за фальшивой полкой. В секции поэзии.

Я взял тетрадь. Открыл первую страницу. Почерк был знакомым — размашистым, с наклоном вправо. Я знал этот почерк.

«Илья Зайцев. 11-А».

Я закрыл дневник. Медленно. Очень медленно.

— Где вы его взяли? — спросил я. Голос звучал ровно. Слишком ровно.

— В библиотеке, — повторила Маша. — За полкой с Блоком. Полка была фальшивая, тень падала неправильно.

Я посмотрел на неё. Она смотрела на меня. Дима смотрел на нас обоих.

— Вы знаете, кто это? — спросил он.

— Знал, — сказал я. — Он умер двадцать лет назад.

Тишина. Маша открыла рот, потом закрыла. Дима переступил с ноги на ногу.

— Это тот самый? — тихо спросила Маша. — Который упал с башни?

— Тот самый.

Я открыл дневник снова. На первой странице, под именем, была странная запись — набор символов, цифр и каких-то значков. Шифр.

— И что это? — спросил Дима, заглядывая через плечо.

— Это, — сказал я, — вопрос, на который у нас пока нет ответа.

Я закрыл дневник и положил его в стол.

— Приходите завтра после уроков. Втроём. — Я посмотрел на Машу. — И приведи Лену. У неё хорошая зрительная память.

— А Соню? — спросила Маша.

— Соню? Зачем?

— У неё абсолютный слух. Вдруг там что-то музыкальное.

Я хмыкнул. Девочка мыслила стратегически. Это мне нравилось.

— Хорошо. И Макса.

— Макса? — Дима удивился. — Он же социофоб.

— Он взламывает школьную сеть быстрее, чем я успеваю сказать «доброе утро». Нам может понадобиться доступ к камерам.

Дима присвистнул. Маша поправила очки.

— Мы будем расследовать? — спросила она.

— Мы будем читать дневник, — сказал я. — А расследование — это громкое слово. Пока.

Они ушли. Я остался сидеть в кабинете, глядя на дневник.

Илья Зайцев. Двадцать лет.

Я открыл последнюю страницу. Там был ещё один шифр — короче, чем первый. И подпись: «Если ты это читаешь, значит, я был прав».

Я закрыл дневник и налил себе ещё чаю. Предчувствие было нехорошее. Такое же, как двадцать лет назад, когда я стоял у подножия башни и смотрел на тело друга.

Тогда я ничего не смог сделать. Сейчас — смогу.

— — Глава 2. Фальшивая полка

Утро началось с того, что я пролил кофе на отчёт по успеваемости. Отчёт был за прошлый семестр, так что я не сильно расстроился.

Дневник Ильи лежал в моём столе, завёрнутый в тот же старый шарф, в котором его принесли Маша и Дима. Я не открывал его всю ночь. Не потому, что боялся. Просто откладывал момент, когда придётся снова увидеть почерк друга.

Вместо этого я решил начать с другого конца — с полки, где нашли дневник.

Библиотека утром пахла свежим чаем и пылью. Лидия Михайловна уже была на месте — она всегда приходила раньше всех. Я подозреваю, что она ночует где-то между стеллажами, но доказательств у меня нет.

— Антон Сергеевич, — она подняла глаза от формуляра. — Вы сегодня рано.

— Решил проверить свои ученические привычки.

— Похвально. — Она не поверила ни единому слову, но была слишком вежлива, чтобы сказать это вслух.

Я прошёл в секцию поэзии. Блок, Есенин, Маяковский — стандартный набор для элитного пансиона. Полка с Блоком действительно выглядела странно: тень от неё падала под другим углом, чем от соседних. Я провёл рукой по краю — дерево было тоньше, чем должно быть.

— Лидия Михайловна, — позвал я. — Вы знали, что здесь есть фальшивая полка?

Тишина. Потом тихие шаги.

— Знала, — сказала она, появившись из-за стеллажа. — Лет двадцать.

— И молчали?

— Я библиотекарь, Антон Сергеевич. Моя работа — хранить книги, а не совать нос в чужие тайны.

— А если эта тайна — смерть ученика?

Она посмотрела на меня поверх очков. Долго. Потом вздохнула.

— Пойдёмте. Я заварю вам чай. И, возможно, расскажу то, что должна была рассказать двадцать лет назад.

— —

Мы сидели в её кабинете — маленькой комнатке за стойкой, заставленной книгами и чайными принадлежностями. Лидия Михайловна налила чай в две фарфоровые чашки и села напротив.

— Я не знала, что там дневник, — начала она. — Я знала, что полка фальшивая. Её сделали задолго до меня. Но я никогда не проверяла, что за ней.

— Почему?

— Потому что мне сказали не проверять.

— Кто сказал?

Она помолчала.

— Директор. Тогдашний. Он сказал: «Лидия Михайловна, есть вещи, которые лучше не трогать». И я не трогала. А потом Илья упал с башни, и я подумала: может, это связано. Но было поздно. Мальчика уже не вернуть.

— Вы видели что-нибудь в ту ночь?

— Я видела, как кто-то выходил из башни. — Она смотрела в чашку. — Темно было. Я не разглядела лица. Но походка… — она замолчала.

— Походка?

— У него была странная походка. Будто он старался идти тихо, но не умел.

Я отхлебнул чай. В голове завертелись шестерёнки.

— Лидия Михайловна, — сказал я медленно. — Вы знали, что Маша и Дима найдут дневник?

Она подняла на меня глаза. В них не было удивления.

— Я оставила полку приоткрытой. Вчера утром.

— Зачем?

— Потому что вы вернулись, Антон Сергеевич. — Она улыбнулась — впервые за всё утро. — Я подумала, что теперь, возможно, всё изменится.

— —

После уроков в моём кабинете собрались пятеро. Маша, Дима, Лена, Соня и Макс. Макс сидел в углу, уткнувшись в телефон, и делал вид, что его здесь нет. Соня крутила в руках наушники. Лена нервно теребила кулон.

— Итак, — я сел на край стола. — Вы нашли дневник. Это дневник Ильи Зайцева, ученика этого пансиона, который погиб двадцать лет назад при невыясненных обстоятельствах. Официально — несчастный случай. Неофициально — я не верю в это.

— Почему? — спросила Соня.

— Потому что Илья был осторожным. Он не подходил к краю башни. У него была боязнь высоты.

Тишина. Макс поднял голову от телефона.

— И что в дневнике? — спросил он.

— Шифр. — Я открыл тетрадь на первой странице. — Вот.

Я показал им запись:

ЯННШАБ. ЯНЕМ ЛУНКЛОТС. М.А

Маша наклонилась ближе.

— Это зеркально, — сказала она. — Если прочитать справа налево…

Она взяла карандаш и переписала на листок. Получилось:

А. М. СТОЛКНУЛ МЕНЯ. БАШНЯ

— «А.М. столкнул меня», — прочитала она вслух.

— А.М., — повторил Дима. — Анна Михайловна?

— Или Андрей Морозов, — сказала Маша.

— Или любой другой человек с инициалами А.М., — я забрал листок. — Не спешите. Это только первая страница. Дальше идут цифры, их надо расшифровать отдельно. Но сначала — вопрос: где вы нашли дневник?

— В библиотеке, — сказала Лена. — За полкой с Блоком. Полка была фальшивая.

— Как вы поняли?

— Тень падала неправильно. — Лена пожала плечами, будто это было очевидно. — У всех полок тень падает на стену под одним углом. У этой — под другим.

Я посмотрел на неё. Иногда я забываю, что среди этих подростков есть настоящие таланты.

— Хорошо. — Я сел за стол. — Теперь слушайте внимательно. Мы будем читать дневник. Все шифры, которые найдём, будем разгадывать. Но есть одно правило: никому ни слова. Ни родителям, ни учителям, ни директору. Если кто-то узнает, что мы копаемся в прошлом, у нас могут быть проблемы.

— А если убийца ещё здесь? — тихо спросила Маша.

Я посмотрел на неё.

— Тогда у нас будут проблемы. Именно поэтому — никому ни слова.

— —

Мы начали с первой страницы. Маша переписала шифр, Дима предложил прочитать справа налево, Лена заметила, что некоторые буквы написаны с наклоном в другую сторону (это могло быть ключом ко второму шифру). Соня напевала что-то себе под нос, разглядывая поля. Макс молчал, но я видел, как он фотографирует страницы на телефон.

— Я сделаю копии, — сказал он, поймав мой взгляд. — На случай, если оригинал потеряется.

Я кивнул. Сообразительный парень.

— Антон Сергеевич, — позвала Маша. — Здесь ещё что-то. На последней странице.

Я подошёл. На последней странице дневника, под последней записью, был ещё один шифр — короче, чем первый. И подпись:

«Если ты это читаешь, значит, я был прав».

— Что это значит? — спросила Лена.

— Это значит, — сказал я, — что Илья знал, что умрёт. И оставил нам послание.

— —

Вечером я сидел в кабинете один. Дневник лежал передо мной, открытый на последней странице.

В дверь постучали.

— Войдите.

Анна Михайловна. С чашкой чая, как всегда.

— Вы сегодня задержались, — сказала она.

— У меня много работы.

— У вас уставший вид. — Она присела на край стула. — Что-то случилось?

Я посмотрел на неё. Инициалы А. М. Анна Михайловна. Психолог. Знает всё про всех. Странная.

— Ничего, — сказал я. — Просто проверяю старые бумаги.

— Старые бумаги? — Она подняла бровь. — Антон, вы что-то скрываете.

— Я всегда что-то скрываю. Это часть моего обаяния.

Она засмеялась, но глаза остались серьёзными.

— Ладно, — сказала она, вставая. — Не буду мешать. Но если захотите поговорить — вы знаете, где меня найти.

Она ушла. Я смотрел на закрытую дверь.

«А.М. столкнул меня».

Я не хотел думать об этом. Но логика — упрямая штука.

— —

Утром Кирилл Орлов не пришёл на завтрак.

Сначала никто не обратил внимания. Кирилл часто пропускал завтраки — то тренировка, то проспал. Но к обеду его всё ещё не было.

— Кто-нибудь видел Кирилла? — спросил я у учеников.

Тишина.

— Он вчера поссорился с отцом по телефону, — сказала Соня. — Может, уехал домой?

— Без разрешения?

— Он такой. Может.

Я посмотрел на Машу. Она смотрела на меня. Мы оба думали об одном и том же.

— Макс, — сказал я тихо. — Проверь камеры. Вчерашний вечер. Старое крыло.

Макс кивнул и уткнулся в телефон.

Через десять минут он поднял голову.

— В старом крыле камеры не работают, — сказал он. — Точнее, работают, но запись прерывается. С восьми вечера до полуночи — чёрный экран.

— Кто-то отключил?

— Или что-то. — Макс пожал плечами. — Но следов взлома нет. Будто камеры сами выключились.

Я выругался про себя. Внешне — сохранил спокойствие.

— Ладно, — сказал я. — Не паникуем. Возможно, Кирилл действительно уехал домой. Я свяжусь с его родителями. А вы — не расходитесь. Мне нужно с вами поговорить.

— —

В кабинете я собрал тех же пятерых.

— Кирилл пропал, — сказал я без предисловий. — Камеры в старом крыле не работают. Это может быть совпадением. А может — нет.

— Вы думаете, это связано с дневником? — спросила Маша.

— Я думаю, что Илья написал: «А.М. столкнул меня». Я думаю, что кто-то двадцать лет назад убил ученика и это сошло ему с рук. И я думаю, что этот кто-то до сих пор здесь.

— И вы думаете, что он снова начал? — тихо спросила Лена.

— Я думаю, что нам нужно найти ответы. — Я положил дневник на стол. — И быстро.

Соня подняла руку.

— Антон Сергеевич, — сказала она. — Я… кое-что видела. Вчера. Ночью.

Все повернулись к ней.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.